

18+

Коста Тёркин

О КОПАНИЯХ ВЕЧНЫХ И О ЗЕМЛЕ...

Хроники хроника

Коста Тёркин

**О копаниях вечных
и о земле... Хроники хроника**

«Издательские решения»

Тёркин К.

О копаниях вечных и о земле... Хроники хроника / К. Тёркин —
«Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. И шатаешься ты теперь по свету и ищешь,
ищешь. И даже если вофисе сидишь, или за станком стоишь, или
баранку крутишь, или людей лечишь — все равно часть души твоей
не с тобой! Она там — в поле! Катухой над ямкой-копком водит и сигнал
вкусный, монетный нюхает. И тогда ты понимаешь, что закружила тебя та
круговерть, околдовала. И нет без нее тебе жизни, все без нее неинтересно
и пресно... Книга содержит нецензурную брань.

© Тёркин К.

© Издательские решения

Содержание

Часть первая	6
Сказки из дневника копателя: Тёмное прошлое. Начало	7
Пролог. Или вступление?	7
Страничка первая	8
Приветственно-вступительная	8
Страничка вторая	10
Сказка первая. Про начало	10
Конец ознакомительного фрагмента.	30

О копаниях вечных и о земле...

Хроники хроника

Коста Тёркин

© Коста Тёркин, 2026

ISBN 978-5-0070-7786-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая

Сказки из дневника копателя: Тёмное прошлое. Начало

Пролог. Или вступление?

21.02.202**

Зима.

— Здрассьте!

Зашёл я тут недавно к барыгам — ну, к монетным инвесторам — за хабаром.

Сидят, морды кривоногие, пивчанского с лецом дают. Лица красные, щёки в рыбьем жиру блестят — жрут и бухают!

Леца на ящике из-под пива, на газетке, тупым ножом пилят. Пригляделся я — ан нет, не газетка! Листы рукописные какие-то. Взял один, покрутил, почитал...

— Откуда нетленка, господа негоцианты?

— Да приходил тут один, типа тебя! Ящик монет принёс. Там и макулатура эта лежала! — отвечают, сыто цыкая зубом.

— Вот, товар в неё заворачиваем да до ветру ходим!

Тут вдруг шум, гам, крики, свистят! Облава мильтонская! Барыг как ветром сдуло! Даже леца забыли с собой унести. И пиво.

Собрал я трофеи по-быстрому и технично скрылся! Мне лишняя известность тоже ни к чему. Рванул в гараж, ворота запер и сел с лецом за рукопись.

Дневник это оказался.

Дневник копаря. Видать, когда копательство запретили, он завязал, а весь хабар и записи барыгам отнёс. Бедолага.

Долго я сидел, вчитывался в смятые странички, покрытые неровным и корявым почерком. Пока пиво не кончилось и лец не похудел до костей.

Потом встал, подумал и решил в писатели-плагиаторы пойти!

А чё? Тут рассказов мне на тыщу лет хватит! Пока кончатся — Пулицеровскую премию получу!

И гонорары опять же.

В общем, я пошёл. В писатели.

Так что читайте теперь! Вот.

P.S. Листочки дневника были сложены в пачке беспорядочно, без хронологии и нумерации. Так я, на свой страх и риск, в меру сил и логических способностей их сам пронумеровал и сложил как надо. Кому не нравится чего — сами перекладывайте, как хотите. Дело ваше.

Да, я тут в тексте свои ремарочки по ходу дела вставляю буду — **вот таким макаром.** Мало ли, не все читатели — копары, вдруг кому непонятно что-нибудь будет. Так я поясню...

А ещё я тут разных картинок из интернета добавил для красоты и эстетики. Наслаждайтесь, в общем!

Страничка первая

Приветственно-вступительная

Как начать-то?

Хм...

Вот не люблю я такие моменты! Вроде и сказать о чём знаешь, и слова все нужные есть. Есть... ага...

Лежат такие большим и рыхлым ворохом. В голове — в закутке для сочинений. Лежат себе и ждут, когда я их сюда с клавиатуры выстукивать буду, сплетая из них нитку своей болтовни. Тут главное — правильно первое слово из этой кучи выдернуть, а там уж оно само второе за собой потащит! А второе — третье, а третье — четвёртое... Ну, вы поняли! Знай себе — тяни, да вовремя точки с запятыми втыкай! И всё — пошло дело, потащилась нитка слов, наматываясь на катушку рассказа!

И пусть нитка эта — корява всякими ашипками, да препинательными знаками неказиста. Пусть она часто рвётся, петляет и сплетается в узлы-ошибки лексики и семантики.

Пусть себе! Здесь, думаю и надеюсь, это простительно. Если нет — то всё равно великодушно простите! Не кончивали мы академиев, к сожалению. И институтов мы не кончали, и техникумов тоже. Садик да школа. И те — давно и не помню...

Так вот. Начну.

Хм...

Здравствуй, мой дорогой дневник! Не, не так! Чего тут дорогого-то? Тут болтовня моя графоманская будет, да фоточки всякие, на тапок снятые. Ничего особенного и героического.

Лучше так...

Здравствуй, дневник!

Меня зовут KOSTA, и я бывший копатель.

— Копатель чего? — спросишь ты.

— Всего! Всё, что в земле, неглубоко и металлическое! — отвечу я.

Есть, дневничок, на свете такие люди, что бродят по нашей земле с лопатой и специальным прибором, что металл чувствует в земле. Чует и от того верещит на разные лады. А люди эти гадают на том верещании, что там, в земле притаилось. Гадают они плохо и часто ошибаются, поэтому всё время себя проверяют, выкапывая и рассматривая то, что хитрый прибор обнаружил.

Не любит их никто!

Презирают археологи, и фермеры ненавидят. Милиция, собаки да кабаны из лесу куснуть или прессануть норовят. Пастухи и пастушки глядят подозрительно и матерно ворчат. А государство — их вообще запретило!

Так вот, дневничок, я — из них как раз, из копателей.

— Каким ветром тебя сюда занесло, копарь? Чего ты тут забыл-то? Почему не на профильном форуме, с коллегами своими? — удивишься ты.

— Так уж вышло, дневничок. Так уж вышло. Семь форумных лет. Отчёты, обсуждения, фотки, треп. Всё — коту под хвост! Гордыня и гонор. Бывает... — вздохну я в ответ.

Что ж, дневничок! Ещё раз здравствуй!

Ты пока — как новая квартира. Необжитая, свежпахнущая ремонтом, пустая голыми стенами, без мебели и жильцов. Я хожу по ней, с любопытством оглядывая комнаты и закутки, щёлкая выключателями, крутя краны и привыкая. На улице нетерпеливо сигналист грузовичок со скарбом из старой квартиры, рядом покуривают грузчики. Пора.

Пора разгружаться и затаскивать вещи и мебель в моё новое логово. Скоро на стенах повиснут фотографии находок и урочищ, на полках в шкафу выстроятся рассказы, а в сундук лягут папки с отчётами о выездах. Пустая квартира наполнится содержимым, и запах ремонта сменится на другие запахи. Надеюсь, приятные!

А ещё хочется верить и надеяться, что здесь всегда будет тепло и уютно, комфортно и интересно. А в гости будут приходить только хорошие люди!

Что ж, начну...

Страничка вторая

Знакомящая и все объясняющая. Почти все

— Твои отчёты надоть собрать в книгу!
— С иллюстрациями ваще тема получится...
— Обязательно соберу! И картинки будут всенепременно! Надо же поведать миру о простых самарских (и не только) копарях! Всех сдам, про всех отпишусь. Кого знаю и кого не знаю!

из беседы на форуме сайта samara-clad.ru

А начну, как обычно, со сказки. Грустной. Ибо в весёлые сказки не верю.
Как-нибудь так...

Сказка первая. Про начало

Жил-был человек. Поживал себе тихо и спокойно. И всё у него было. Семья и работа, дом и гараж, хобби и машина, голова и руки.

Семью свою он любил и ценил, родителей уважал, обожал красавицу жену, в детках души не чаял. Работу свою не то чтобы любил... но она была вполне приличной, иногда даже интересной, а ещё приносила какие-никакие доходы. Небольшие, но хватало. Так что работа скорее нравилась, чем нет.

Дом хоть и был обычной «трешкой» в «панельке», но был он с окнами на большую реку, с белыми корабliками и чайками, и на большие горы с горнолыжными трассами и лесом. Был всегда чист и ухожен, в него всегда было радостно возвращаться. Деткам после школы, взрослым после работы. Дом всех ждал и встречал тёплым уютом. Жёлтым светом люстр, бормотанием телевизора, урчанием холодильника, тиканьем часов, свистящим на плите чайником и мурчащей кошкой в кресле.

Человек очень любил возвращаться в него после работы, он целовал жену и гладил по головам детишек. Они собирались за ужином, смеялись и, наперебой, пересказывали друг другу события минувшего дня.

Сидели за столом, а неподалёку, за тяжёлыми железными воротами, запершись на два замка, поблёскивая стеклом оптики, дремал в гаражном сумраке их верный серебристый минивэн — автомобиль удобный и просторный. Намаявшись за день от суматошных и суетных городских дорог и пробок, лениво потрескивал остывающим двигателем, вольготно раскинувшись на широко расставленных чёрно-резиновых лаптях-колёсах. Это был новый и красивый, чистопородный немец, с просторным салоном и огромным багажником. Он был быстр и силен, ему нравилось резво носиться по хозяйским делам, ощущая, как под капотом ровно работает его мощное сердце-мотор. Как воздух, такой незаметный и эфемерный, стремительно густеет и набирает твёрдость от скорости. Он ездил много и часто.

Вообще, семья очень любила путешествовать. Любила собраться, сесть в машину и рвануть куда-нибудь далеко-далеко, поближе к горизонту. Мчать по шуршащей под колёсами асфальтовой ленте дороги и, опустив боковые стёкла, набивать салон верного автомобиля свежим ветром странствий. Ветер в машине громко гудел свои песни, упруго ворочался и хулигански трепал причёски. Всем было весело и радостно от предвкушения новых открытий, впечатлений и событий. Они любили путешествовать, но всегда, рано или поздно, возвращались домой.

Всегда, ибо дома всё равно лучше!

И тогда, запылённый автомобиль снова блаженно растягивался на своих широких и толстых шинах в приятной прохладе гаражного бокса. Стоял в тишине, ожидая нового дня и новых поездок...

Очень часто, по пятницам, когда кончалась трудовая неделя, усталый хозяин, поставив его в гараж, не уходил сразу домой. Вместо этого он доставал из багажника пакеты, пряно пахнущие сушёной рыбой, утробно булькающие и тихонько позвякивавшие. Нагрузившись ими, он уходил вглубь гаража, где за неприметной дверцей его ждал большой деревянный стол с лавками, стреляющий угольками камин и громкая музыка.

— Бухать пошёл, — ворчал автомобиль.

— Щас жди гостей, опять всю ночь пробарагозят, а потом опять дома огребешь, — ухмылялся он.

— Каждую пятницу я — в гавно! — вторил ему магнитофон.

Камин же, молча и ехидно, пускал из своего портала струйки и клубы сизого дровяного дыма, согревая и так уже «тёплую» гаражную компанию.

Ближе к ночи хозяин выбирался из заветной комнаты, садился за руль и подолгу сидел, откинувшись в кресле. Что-то ему не нравилось, и он прятался от шумной и пьяной компании в тиши салона, отгородившись от всех его тонированными стёклами. Автомобиль мурлыкал хозяину его любимые песни, а тот расслабленно дремал, поглаживая кожу руля. Им было хорошо вместе.

Словом, жизнь текла легко и просто, стабильно и размеренно.

Мотор пил бензин. Одометр, неспешно и со вкусом, жевал километры. Бортовой хронометр складывал мельтешащие секунды в пробегающие часы, недели и годы.

Камин ежепятнично скуривал охапку дров.

Всё крутилось, жужжало и щёлкало. Работало, в общем.

И всё так дальше и было бы, если бы не нагрянули перемены...

Ох уж эти перемены! Что хорошие, что плохие — приходят, вваливаются в твой уютный и тёплый мирок, берут тебя за шкуру и, отвесив бодрящего пинка под зад, отправляют в полёт к новым жизненным перспективам. Сияющим или дерьмовым — тут уж кому как суждено...

Всё началось буднично и просто. Решил человек приобрести себе удобной одежды для занятия рыбалкой. Надоело ему в линялых трениках да худых сапогах на карася ходить. Возжелал он экипировки красивой и удобной. Той, в которой натовские или бундесверовские вояки щеголяют. Чтоб грязи и превратностей сельских пасторалей не бояться, чтоб сидеть себе на бережку с удочкой, на все непогоды класть с прибором и поплёвывать. Ну и, конечно, чтоб девкам красным пыль в глаза пускать.

Сел он за компьютер и как давай бороздить просторы интернета на скрипящем диалапе!

Только сайты замелькали-запестрели красивыми фотками и умными советами. Рыбачьи форумы, охотничьи форумы, форумы выживальщиков, интернет-магазины, туристские форумы...

Много чего просмотрел-прочитал... И тут — БАЦ!!!

Сайт был новым для него, тематика свежа и интересна, фото и рассказы местных насайтсидельцев завораживали и затягивали. Человек, забыв про всё на свете, зачарованно листал его страницы и читал, читал, читал...

Целый мир, загадочный и чудесный, открывался перед ним во всей своей красе и величии. И всё, о чём он жалел, — это о том, что не открыл этот мир раньше, мир Истории, Чуда и Авантюры!

День за окном кончился, так им и не замеченный, вечер обиженно затух, и лишь поздняя ночь взяла своё, унеся человека в мир снов.

Он спал в кресле у монитора, похрапывая и счастливо улыбаясь. Он и во сне был там — в своём новом Мире. В своей Терра Инкогнито.

Темноту комнаты разбавлял лишь свет от работающего монитора.

На его экране так и висела страница того самого сайта. Сайта-пропуска в новый Мир. Сайт звался Кладенцом, а мир — Копом...

Поутру человек проснулся и вновь рванул в интернет. Поиск милитари-тряпья был заброшен, цель теперь была другой — для познания и освоения нового Мира срочно требовалось оборудование. Ведь человек — существо слабое и несовершенное. Видит он плохо и недалеко, осязает ещё хуже. Без спецснаряги ему — никуда!

Неспроста, любой уважающий себя географ не пустится в путь без подозрной трубы, геолог — без своего молотка, океанограф — без акваланга, биолог — без микроскопа, метеоролог — без метеозонда.

Всем исследователям нужна снаряга, ну а копарю — особенно!

Смотреть сквозь землю человек, к сожалению, ещё не научился.

Так что прошу любить и жаловать!

Ключка! Она же — МДешник, она же — Прибор, она же — Детектор и даже поначалу — Миноискатель!

То самое, смотрящее сквозь землю, «всевидающее око» копаря! Пропуск в новый мир!

Вот его-то человек и ринулся искать. Нашёл.

— Них... однако, цены, — подумал он, невесело прикидывая, каких трудов будет стоить протащить на семейном совете такую статью расходов в бюджете. Да вообще вряд ли!

— Не. Не потяну... на баловство такие деньги тратить...

— Похоже, накрылось хобби. Накрылось, не успев открыться, — с тоской подумал он. Вздохнув, выключил компьютер и постарался выкинуть из головы все мысли о копе — не судьба, значит.

Но как-то не получалось выкинуть. И он выносил мозг окружающим байками о кладоискательстве, монетах и артефактах. О том, как хорошо, должно быть, бродить с миноискателем, копать и находить...

Короче, достал всех! Домочадцы и друзья молча кидались в ответ первыми попавшимися под руку тяжёлыми предметами, собутыльники морщились, как от зубной боли, и, матюкнувшись, исчезали в сизом облачке перегара. Даже верный автомобиль, устав от бакк хозяина, отказался заводиться, сославшись на сдохший аккумулятор...

А человек всё лепетал и лепетал про копательство! Как же приятно и интересно было ему говорить на эту тему!

Он ещё не понял, что выглядит немного нелепо и смешно. И невдомёк человеку ещё было, что безжалостная и вечно голодная тварь по имени Одержимость уже выцелила его из толпы, подошла и заглянула в глаза. Заглянула и, довольно ослабившись, лениво пошла следом...

И тут грянул его День Рождения.

За праздничным столом собралось много друзей — людей чудесных и достойнейших. Было много веселья, тостов, музыки, шума и гама, душевных разговоров и танцев. Много-много...

Не было только коробочек, обёрнутых блестящей цветной бумагой и перевязанных яркими ленточками.

Все дарили конвертики. С открыткой и банкнотами.

И пожелание юбиляру было одно:

— Уважаемый! Купи ты уже себе этот миноискатель! И удачи в поиске кладов! Уррааа!!!

Когда человеку хорошо, то время летит очень быстро. Наверное, оно просто завидует ему!

Вот так и тот вечер пролетел ярко и быстро. Вот уже близится полночь, и хозяин рестораника многозначительно поглядывает на часы. Вот уже спиртное за столом сменилось на

чай. Вот уже гости потихоньку разъезжаются, обняв тебя на прощанье. Музыка смолкает, затух кальян и свечи, вот уже принесли счёт, и приехало такси. Праздник окончен и пора домой...

И вот уже, за окнами таксомотора, в лёгком флёре алкогольных паров, мелькают огни ночного города. Пьяный и счастливый, крепко обняв жену, несётся человек домой. Несётся из праздника навстречу будничному серому утру, сушняку и похмелью...

Между тем, утро приятно удивило!

Когда распотрошили конвертики, да посчитали банкноты, — до человека вдруг дошло, что сказка стала былью и прибор можно брать хоть сейчас!

А судя по надарённому, — даже два...

Сказано — сделано! Короткий созвон, и вот он уже несётся на встречу с дилером. Встречались на площади, около большого офисного центра, где множество фирм и фирмешек крутили свои дела и делищцы под трели телефонов и скрипо-скрежетание факсов. Торговец хобби хмуро и подозрительно осмотрел человека и широким жестом пригласил пройти в свой автомобиль. Короткая «Нива», заполненная яркими красивыми коробками. Хлопнули двери и, под шум начавшегося вдруг ливня, потек разговор.

— Хочу Асю! 250-ую!

— А чего так? Это ж не прибор, это ж игрушка.

— Да боюсь, вдруг не понравится. Деньги на ветер выброшу. А понравится — так потом получше возьму!

— Не бойсь, обязательно понравится! Я сам копаю, так вот, с этим делом, даже рыбалку забросил! Каждую неделю копать езжу! Вчера, к примеру, были в Кошкинском районе — полтора десятка монет там нашёл!

— Ты не сомневайся! Нафиг тебе Аська не нужна, бери сразу Терку-пятьдесятчетвёрку. Подороже, но оно того стоит, поверь! Вот посмотри!

Дилер достал с заднего сидения машины большую и яркую коробку. Положил на колени и открыл. Заиграла красивая и завораживающая мелодия, и в салоне стало заметно светлее от лучей золотого света, вдруг забивших из-под крышки...

Шучу.

Коробка была небольшой и украшена аляповатыми изображениями золотых монет и прочих сокровищ, видимо, с целью пробуждения в покупателе низменных чувств алчности, наживы и любви к золотому тельцу. В её недрах скрывался незамысловатый набор из каких-то трубок, какой-то круглой штуковины чёрного пластика, похожей на прицел от допотопного зенитного пулемёта с прилепленным проводом. Ещё была какая-то несерьёзная коробочка с ножкой. На коробочке присутствовал маленький экран и кнопки.

Короче, радиоконструктор «Сделай Сам»...

— Беру! — шумно выдохнул человек.

Вожделенная коробка переключалась из рук в руки, а также ещё большой и добротный чехол-сумка с «фирмовым» лейблом и маленький полупрозрачный чехольчик для коробочки с кнопками. Без лейбла.

Договаривавшиеся стороны ударили по рукам, заключили договор купли-продажи, и сторона покупателя, с глупой улыбкой счастья на лице и коробкой под мышкой, вывалилась из машины и двинулась к сияющим вершинам кладокопательства...

Вершины было решено покорять, не откладывая, прямо сейчас. Прямо подъехать на близлежащий красноглинский пляж и, не медля ни мгновения, накопать себе ювелирного золотишка. Ну, на крайняк, серебра!

Прихватив группу поддержки из двух человек, в составе жены и приятеля, украв по дороге на близлежащей стройке ржавую лопату, рванули на пляж. Там, второпях, и не читая инструкции, трясущимися от предвкушения наживы руками собрали прибор.

Прибор сожрал четыре батарейки, ожил и что-то вопросительно запиликал на своём птичьем языке.

— Пилиик! Пиль-Пилиик?

— Че сказал? Че надо-то? Не понимаю я! — ответил человек.

— Пиу! Пиу! Пик! Ууууу! — возмутился прибор.

— Хрена ли ты распищалась-то!? Может, инструкцию почитать? Хотя, незачем! Так разберусь! — пробормотал человек и двинул на пляжные просторы.

Красноглинский пляж. Сакральное место многих самарских поклонников купания в реке и принятия солнечных ванн. С наступлением лета каждый день со всех концов города, поодиночке и стайками, автобусом или на машине, собираются они здесь. Собираются, чтобы улёгшись тесно-тесно, бок к боку, а кое-где и в два слоя, на берегу нашей красивейшей и полноводной реки, пожариться на солнышке и покрыться прекрасной запечённой корочкой в виде загара.

А ещё попить пивка, потусить, потом искупаться, а заодно и слить лишнее. Именно поэтому вода на пляже всегда чуть теплее воды в реке.

Именно на пляже у отдыхающих каждую минуту происходит непреднамеренное отчуждение их имущества. То монетная мелочь брызнет белой искрой в песок из карманов снимаемых шорт. То рыжей змейкой стечёт с лебединой женской шейки золотая цепочка. Или брякнется в песочную трясину толстая мужская цепь. А ещё колечки, серьги, перстни... Да мало чего ещё теряет сомлевший от солнышка народ!

Вот на это имущество и нацелился человек с миноискателем! Благо, на дворе осень, пляжный сезон прошёл и здесь пустынно и безлюдно. Мешать обогащению никто не будет!

И сбылась мечта! Вот он — сладостный момент поиска сокровищ!

Наш герой важно водит катушкой над «золотоносным» песком пляжа, и десятки сигналов ежесекундно кричат ему о себе:

— Пиип! Я колечко!

— Пиу! А я цепочка!

— Пии!!! Перстень с камнями!

— Пик! Деньги-монетки мы!

— Эхма! Держитесь, милаи! Щас всех выкопаю-спасу! — вскричал человек и судорожно затыкал в песок ржавой лопатой.

Бывалый копарь-пляжник уже ехидно ухмыльнулся, читая эти строки. Остальным расскажу, что было дальше...

Ржавая лопата хищно впилась в песок по самую подошву жавшего на неё ботинка. Заскрипело старое древко, и большой ком влажного песка вывалился из ямы наружу. Человек пнул его, ком развалился и в лучах скупого осеннего солнышка масляно заблестело жёлтым... **ПРОБКА!!!**

— Это случайность! Вот щас ещё сигнал. Там точно цепочка или кольцо, — успокоил себя человек.

— Пиип!

— **ПРОБКА!**

— Пилиик!

— **ПРОБКА!**

Пробка, пробка, пробка, пробка, пробка, пробка, пробка, пробка, пробка...

Как-то сразу испортилась погода, небо захмурилось и пошёл мелкий противный дождь. Посреди пляжа стоял под дождём человек, поникнув плечами и повесив нос. На душе его тоже

шёл серый дождь, смывая фальшивую позолоту с Мечты. Мечта скукоживалась под его напором, шипела и таяла...

Наступала поздняя осень, холодная, дождливая и слякотная.

Упакованный в сумку прибор лежал, задвинутый разочаровавшимся человеком, на самую дальнюю полку в тёмном шкафу. В гараже по пятницам всё так же жарко потрескивал огнём камин, и рекою текло пиво. Было тепло и весело.

И лишь иногда краешком на человека накатывала лёгкая грусть о несостоявшейся мечте.

А где-то рядом, в мокрой черноте промозглой осенней улицы, сидела, трясаясь от холода в стылой грязи лужи, всё та же тварь по имени Одержимость.

Прислушиваясь к веселью за стеной, она тоскливо подвывала ноябрьскому ветру. Ей было холодно и тоскливо. Но она не уходила и не исчезала.

Она терпеливо ждала...

А время шло. Время летело.

Сгнила осень, вымерзла зима, оттаяла и полезла, щепкой на щепку, весна.

Пришло лето, опалив улицы белым жарким солнцем и припорошив пылью молодую траву на обочинах дорог.

Жизнь текла размеренно и спокойно. Человек уже почти забыл про коп, хабар и клюшки, и лишь иногда с улыбкой вспоминал тот злополучный поход на пляж за сокровищами. Горечь и разочарование забылись, но и копать больше не хотелось. С лихвой хватало других интересов и развлечений.

Как-то, лазая по просторам сети, он наткнулся на местный, самарский сайт копарей. С интересом пролистал, посмотрел картинки, почитал темы. Сайт был молод и свеж. Жизнь на форуме была ключом: люди общались, делились впечатлениями от выездов на раскопки, хватались находками, делились опытом, знакомились, ругались, строили планы, спорили и веселились.

Люди были разные:

Студенты и безработные, солидные пузатые бизнесмены и простые работяги, успешные менеджеры и бедовые алкаши. Разные люди. Но всех объединяло и спланивало одно. Коп.

И тогда состоятельный дядька снисходительно улыбался алкашу, интеллигент терпел манеры быдловатого работяги, безработный гасил в себе зависть к блестящей машине менеджера.

Здесь не важен был твой социальный статус. Здесь для всех статус был один — копарь! Здесь их жизнь чётко разделялась на «там» и «здесь»...

«Там», в обычной жизни, ты был уважаемым или не очень членом социального общения с именем, отчеством, фамилией и со всеми сопутствующими ей условиями, типа: дом, семья, карьера, работа, тачка, деньги, шмот, понты и прочее.

«Здесь», напротив, все твои данные и условия стирались и никого не интересовали. Ты приходил в этот мир лишь с одним только ником на форуме и ничем больше. Ты вступал в большую и дружную семью авантюристов, бесшабашную и жестокую.

Семью, которой была безразлична твоя жизнь там, вне копа. Фамилий и Отчеств тут не было. Фарт и Репа правили тут бал. Здесь быстро и с восторгом поднимали на щит к лавровым сияющим венкам и так же быстро могли скинуть вниз в слякотную подножную грязь.

Что с них взять — авантюристы и джентльмены удачи. Рыцари без страха и упрёка...

Человек листал сайт, читал и тихо завидовал им.

Тут, среди сотен тем форума, на одной из страничек мелькнуло знакомое лицо.

— Ба! Костя!

— Или нет?

Копарь с форума была очень похожа на одноклассника из давних уже школьных времён. Они общались иногда. Нечасто, так как учились в разных школах, ещё реже после их оконча-

ния, но достаточно постоянно, так, чтобы при встрече с улыбкой здороваться. Потом жизнь как-то разнесла их по разным углам. В общем, лет десять как не виделись.

— Надо проверить — он или нет! — заторопился человек.

Торопливо зарегистрился. Завис только на выборе ника.

Немного подумав, набрал латиницей своё имя.

— Блин, как на латинице наша буква «я» пишется? Не помню!

— А, ладно! Поставлю букву «а»...

— KOSTA... чёт фигня получилась... болгарин какой-то! А, лан, пойдёт... Вроде, Коста по-итальянски берег означает... Нормально.

— Чего парюсь — это ж всего лишь ник! Мало, что ли, их у меня на разных форумах? Одним больше, одним меньше... Мне ж только спросить...

— Костя, привет! Это тезка твой, знакомый со школы! Специально зарегистрился, что б спросить!

— Кость, это ты?

— Я)))

— Привет)))

Через пять минут они трепались по телефону, а через десять минут человек полез доставать из ссыльного зашкафного забвения сумку с детектором...

Одержимость спала в пыли рядом с ней. Тварь распахнула глаза, ещё мутные от сна, всласть потянулась, широко зевнула и полезла следом на свет, широко оскалив довольную пасть...

Крепко обняв сумку, он выскочил из дома в тёплый июньский вечер. Было чуть-чуть после пяти, Солнце ещё даже и не думало спускаться к горизонту и заваливаться за ним спать до утра. Вечер только начинался и щедро обещал не выключать свет ещё часа четыре-пять.

Торопливо запрыгнув в машину, человек поехал за Херувимом — так теперь звали его старинного приятеля.

Тот ни капли не изменился — был всё так же по-раздолбайски жизнерадостен, весел и разговорчив. Много шутил, рассказывал о себе, о жизни сайта, о форумчанах, выездах и находках.

Сходу пообещал обучить всем копарьским навыкам за пару выездов в поля.

Показывал копии каких-то старинных карт местности, от руки коряво рисованных предками, корявым почерком с буквами «Ъ».

Человек молча слушал его, ведя машину, тихо охреневая от количества информации и потока эмоций от рассказчика.

Ехали недолго и недалеко. Старое село, знакомое с детства, что раскинулось по берегам одноимённой речушки. Башенка с часами, что стоит на большаке, мимо которой сотню раз проезжал по пути в соседний город. Рядом — памятник героям Великой войны, отдавших жизнь Победе. Большая старинная каменная церковь поодаль, в глубине села. Огромная птицефабрика — мощный и полнокровный организм, крепкое дыхание которого раньше чувствовалось за несколько километров окрест, кормивший курятиной строителей социализма эпохи Застоя. Был убит, растащен на куски и сожран с потрохами строителями капитализма другой эпохи — эпохи Отстоя...

Всё это они проехали за разговорами, спустились ближе к Волге и по жёлтой песчаной дороге въехали в сосновый лес.

— Приехали! — сказал Херувим.

— Здесь когда-то жили калмыки! — говорил он, вытаскивая из спортивной сумки кучу каких-то трубок, проводов, наушников и коробочек.

— Как раз, сучек корявый, в этом лесу! — почти не глядя, крутанул кучу в руках, что-то состыковал, что-то закрутил, щёлкнул магазином аккумулятора...

— Плик! Плик! — запел в его руках собранный прибор. Прибор был красив, породист и нескромно вызывающе дорог.

Простушка Терка 54-ка, что человек тоже собрал и держал в руках, аж заробела и, застеснявшись, спряталась за его спину.

— На, МДшником «понюхай»! — покопавшись всё в той же сумке, сказал Херувим и, перед человеком, прямо в песок грунтолки, тяжело, с глухим стуком, плюхнул кругляш.

— Катин пятак! Слушай, как прибор звенит, и циферки на экране запоминай! — включив режим сенсея, посерьёзней наставник.

— Ааа! Ну, нифига себе! Древняя монета! Настоящая? А здоровая какая! Посмотрю? — включил человек режим неофита-лохозавра и рухнул на коленки, беря в руки древний пятак. Он держал в ладонях орластый кругляш с вензелями, особенно остро осознавая в этот момент возраст монеты и дыхание Времени. Ощущая в руках кусочек истории, медного долгожителя, видевшего и помнившего мир больше двухсот лет назад!

— Ну, вот ты и попался! — довольно заурчала Одержимость, притаившаяся за плечом, и ухмыльнулась.

Человек аккуратно, практически с благоговением, провёл катушкой над монетой.

Прибор запел высоко и звонко.

— 45! Сигнал на экране 45!

Следом в песок полетела монетка поменьше, но такая же медная...

— Опять сорок пять! Это чего за раритет?

— Это Александровский двундель! Запоминай!

— А вот денга!

— Сорок два! Что за денга? Номинал-то какой?

— Серебряшка! Билончик николаевский!

— 38! Что это за зверь такой — билончик? — Катушка азартно порхала над белым блестящим кружком.

— Крестик! Колечко! Медные крестьянские!

— 12 и 16! Хорош экспонатами раскидываться! Дай хоть посмотреть всю эту красоту. Потрогать!

Человек сидел на земле, отбросив прибор и лопату в сторону, зачарованно перебирал раритеты, собранные из дорожной пыли. Молчаливые и прекрасные свидетели, помнящие далёкие и почти былинные времена, отстоявшие от наших, нынешних — приземлённых и скучных, на долгие столетия!

Как приятно было держать их в чуть подрагивающей от волнения ладони, ощущая их основательную тяжесть, с интересом рассматривая старинные вензели, узоры и надписи! Вглядываться в эти, пока ещё не знакомые металлические кружочки, с трепетом ощущая их причастность к Истории. Ощущая теперь и свою причастность...

— Хорош медитировать! Пошли копать! — сказал Херувим, безжалостно отобрав раритеты и побросав хабар обратно в сумку.

— Ну, пошли... — и разбежались в разные стороны.

Летний сосновый лес встретил запахом хвои и топлёной смолы, нагретый за день жарким солнцем. Было сухо и жарко. Травы почти не было, всё вокруг было усыпано мягким, чуть пружинящим под ногами, ковром опавших сосновых иголок. Лишь кое-где, среди древесных столбов, зеленели редкие островки кустарника и пучки травы. Идти, помахивая катушкой прибора, было легко и удобно.

Тишина. Сигналов не было — прибор молчал, словно партизан на допросе.

Лишь приглушённая расстоянием дробь дятла о ствол да тонкий звон назойливой мошкары над ухом нарушали покой соснового бора...

— Какие, нафиг, калмыки?! — подумал человек.

— Лес как лес, ничего особенного! Вон бутылка блестит зелёным стеклянным боком, вон рваный и грязный пластиковый пакет с рассыпанным вокруг хламом, оставленный какими-то поклонниками свин-туризма. Лес как лес...

И тут прибор коротко пискнул. Споткнулся в своём размеренном порхании над землёй. Вернулся. Снова пискнул. Уже увереннее и громче.

— Пииик... 12... Хм...

Рядом ещё. И ещё. И снова. И опять!

— Крестик!!! И не один!!!

Время как-то резко замедлилось, почти остановилось. Человек, путаясь в кнопках, неуклюже включил режим точного поиска. Суется, под кошачий мяв приборного поинтера, неловко нащупал катушкой центр находки. Сдвинул ногой хвойный ковёр над Находкой, осторожно подрубил лопатой дёрн и вывернул наружу земляной кус копка.

Провёл над ним катушкой... И...

Ничего! Пусто! Молчок!

— Мистика какая-то! — озадачился человек. — Было же всё?!?

Растерянно поводит катушкой рядом вокруг и тут же:

— ПИИИИ! — в сдвинутой хвое.

Разворошил её ногой. Оттуда выкатились и блеснули масляно-жёлтым, в свете вечернего солнца, несколько цилиндриков. А чуть поодаль, прямо на игольчатом покрытии, валялось ещё несколько...

Гильзач, девять миллиметров, «макар» или «макарыч». Восемь штук. С пылу, с жару — недавно только стреляли. Чинь-чганы-гуки кувевы...

— Ну что ж! С почином! Какой никакой — а трофей! — человек с улыбкой ссыпал гильзы в карман.

И снова — тишина неспешной прогулки по лесу. Воздух щекочет ноздри пряными ароматами и пьянит чистотой и кислородом. Чуть приостановившись, глубоко вдыхаешь его полной грудью.

Эххх, харрашшооо...

— ПИИИИ!!! СОРОК ПЯТЬ!!! — чистейший и сладчайший звук, сулящий неутомимому поисковику надежды на бесчисленнейшие предпочтения и сокровища! Высшая цель поиска!

И вот этот сигнал под его катушкой! Впервые!

Интересно, это отзвук от того самого пятакового екатерининского лепеша или это толстенный кружок Александровского двухденя?

— Ведь это, полюбасу, они! Я ведь только недавно проверял! Хорошо бы пятак! Но и двухдень — тоже зашибись! Теперь и у меня будут такие раритеты! — сладко ныло и металось в голове человека, пока он лихорадочно копал яму в мягкой, податливой пропесоченной земле.

— ПИИИИ!!! — прозвенело в ямке.

— ПИИИИ!!! — прозвенело в трёх откинутых лопатах земли...

— МЛЯЯЯ!!! КЛАД!!! Какой же я везучий! На первом же выезде!!!

— КЛАД, КЛАД, КЛАД!

Человек отложил лопату и детектор в сторону, брякнулся на коленки у раскопа, с замираньем сердца размял и разровнял первый холмик откинутой земли...

— Нету?!? Как, ведь был же сигнал?!?

— И в этой ничего нет...

— И в этой... И в ямке ничего... Да че за фигня-то?!? Где?!?

А вновь взятый в руки прибор продолжал заливаться сорок пятым сигналом...

Ямка углубилась вдвое, расширилась втрое и стала ямищей. Прибор всё так же победно пел сигналом, а желанных кружочков так и не появлялось.

— Звяк! — скрежетнула лопата о металл.

— Мляяя!!! Монету зацепил! Рукожоп, блин! — охнул человек.

Как подкошенный, снова рухнул на колени, судорожно расшвыривая хвою и землю на месте скрежета.

— О. О. О. Как так-то? Ведь я же только недавно проверял... Сорок пять же... ССУКА... — растерянно шептал человек, вытаскивая из земли, коварно притаившуюся там, большую и ржавую петлю толстого стального троса, что по окружности обрамляла вырытую яму. Ну, или яма была вырыта прямо в центре петли — тут как посмотреть! Вот тебе и клад!

— Сукасукасука! — расстроено запинав и заровняв яму, человек брёл к машине. Рядом, чуть забегая вперёд и беспокойно заглядывая ему в лицо, семенила Одержимость, жалобно поскуливая. Снова в шкаф не хотелось...

Смеркалось...

— ПИИИ!!! Сорок пять! ПИИИ!!! Нужно копать! — с тоской подумал человек.

— НУЖНО!!! Ведь за этим и приехал! — копал он. А звук никак не выкапывался, а звал копать всё глубже и глубже...

Копал, пока короткий фискарь целиком по оранжевую пластиковую рукоять не скрылся в темнеющем зеве ямы. Пока, коротко скрежетнув, на дно ямы примерно с половины её глубины, не брякнулась здоровенная алюминиевая миска — скрюченная и смятая до потери формы.

Человек вытер оперчатанной грязной рукой усталый пот с лица и стал, с усилием и, шипя, закапывать её обратно.

Сил не было даже ругаться.

Рядом весело ржал и беззлобно подкалывал Херувим. Хотя, и он ничего не нашёл. Но и ям таких не копал...

Солнце закатывалось за горизонт, вечер уходил в ночь, а автомобиль вёз всю компанию прочь, ярко освещая фарами стелящуюся под колёса, темнеющую дорогу домой. Херувим рассказывал какую-то историю, человек, держась за руль усталыми руками, почти не слушал его, лишь изредка и невпопад кивая и поддакивая. Слишком уж устал с непривычки, да и передоз лесного кислорода тянул ко сну, а не к общению. Хотелось спать и в душ. А ещё выкинуть из головы все бредни о кладках, а прибор и лопату — на помойку.

Одержимость тряслась сзади, в багажнике, на лопатах и сумках с приборами, с унынием понимая, что опять проиграла...

— Да ладно, не парься! Вот в субботу рванем на настоящий коп! Я тебе такие места покажу! Полюбасу монет нароем! — хлопнул его по плечу Херувим и ушёл, попрощавшись и забросив снарягу на плечо, в чёрную темень своего двора.

Человек, хмыкнув, нажал на газ и помчал домой, с удивлением осознавая, что в субботу обязательно поедет копать снова, что ему, несмотря ни на что, снова хочется ощутить тяжесть прибора и лопаты в руках, снова тянет ощутить азарт поиска и адреналин надежды на удачу и чудо. Ему понравилось трогать фортуна за грудь!

Чудище в багажнике довольно вздохнула и удовлетворённо прикрыла глаза.

— Всё у нас будет хорошо! — улыбнулась она.

— Ой, не думаю! Не нравится мне это всё! Не доведёт это хобби нас до добра! Не доведёт! — сурово кашлянул выхлопом автомобиль...

Пятница. Вечер. Пробки.

Рабочая неделя отгремела и сдохла. Все задачи, проблемы и решения отложены и перенесены на следующую её сестру. Впереди — пятничный вечер и два выходных. Каждый встречает их по-разному. Кто-то, устало вернувшись с работы домой, неторопливо ужинает в преддверии тихого вечера с диваном и телевизором и последующих выходных в кругу домочадцев в необременительных и нужных домашних заботах.

Кто-то несётся из магазина, радостно позвякивая и побулькивая алкоголем в авоськах, чтобы затем в разгульном чаде пьяного застолья, превратившись в бухую свинью, попытаться

сбросить накопленный за неделю стресс и обиды путём временной алкогольной комы с последующей, вялотекущей и двухдневной борьбой с похмельем.

Кто-то, торопливо побросав вещи и снедь в машину, с довольной улыбкой едет на дачу, чтобы провести выходные на своём любимом обихоженном клочке земли с домиком, грядками и деревьями. Или на огромном участке с дворцом, кортом и бассейном. Тут уж как кому повезёт. Но чтоб обязательно рядом была речка с пляжем!

Да много, на самом деле, вариантов убить время на выходных!

Рыбаки, грибники, охотники, скалолазы, спелеологи, воздухоплаватели и летатели, нырятели и прыгатели, гонщики и бегуны... Да мало ли чем народ в свободное от работы время тешится. Как говорится — чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не вешалось!

В эту пятницу у человека в гараже было пусто и темно. Никто не заваливался в него бесшабашной и шумной компанией, камин не горел, пиво не булькало, музыка не играла. Всё было тихо и пристойно. Темно и пусто. Даже автомобиля не было. Он стоял, припаркованный у дома, тихонько потрескивая остывающим мотором, с удовольствием предвкушая завтрашнюю какую-нибудь дальнюю поездку с семьёй. Его всегда оставляли на улице перед такими поездками, так как выезжать ночью и в гараж за ним по темени идти лень.

Обычно, среди ночи, выходил хозяин, с пакетами и сумками, заводил и прогревал мотор. Следом высыпала его зевающая и сонная семья, галдящая и суматошная от предчувствия путешествия. Выскакивала из подъезда и тут же попадала в его мягкое и уютное нутро, где так удобно дремать ночною дорогой, на мягких креслах, в ожидании рассвета и новых впечатлений от поездки. Машина, хлопнув дверями и рыкнув мотором, вёз их к ним...

В этот раз всё было по-другому. Сумка была всего одна, зато к ней прилагалась лопата. Семья высыпала в уполовиненном составе — папа да сын. Девчоночья половина семьи к отъезду не явилась.

— Ясно! На рыбалку поедem. Опять багажник всю неделю рыбой вонять будет! — заворчал климат-контролем автомобиль, разогревая ночную прохладу салона.

А потом вспомнил:

— Лопата! И сегодня ж суббота! Копать едем! Опять брюхом кочки собирать, да пылью давиться!

Хозяин, между тем, крутя одной рукой баранку руля, другой набрал номер и коротко сказал в трубку сотового телефона:

— Да, привет. Где ты? Ага, понял. Сейчас подъеду.

Вскоре фары высветили из темноты фигуру Херувима, одиноко стоящую на краю площади, заставленной тёмными спящими ларьками и присыпанной постыдным гуляночным мусором, коим так любит метить территорию бухающий люд. На другой стороне площади, сквозь стёкла, щедро облепленные рекламой, тускло светил витринами алкомаркет. Судя по его пузатому фирменному пакету в руках товарища, магазин был круглосуточным и работал.

— Привет.

— Здравова! — шмыгнул носом напарник и, укладывая свою позвякивавшую и булькавшую поклажу на переднее пассажирское сиденье, вяло махнул рукой в сторону ближайшего ларька, торчавшего из темноты смутно белеющей стеной, заставленной пустыми картонными коробками:

— Там Кот ещё! Познакомься — это мой самый лучший друг! Я без него никуда! Вот такой человек!

Там, во мраке, на фоне стены, смутно чернело два силуэта. Маленький и большой. Большой отделился от стены и шагнул на свет. Здоровяк улыбнулся мне интеллигентным лицом и, протянув руку, представился:

— Студент. Привет.

Студент был подат и добродушен.

— Привет. А где... — пожимая руку в приветствии, человек прервался на полуслове. Там, позади Студента, начал расти ввысь второй силуэт, такой небольшой поначалу. Он рос и рос ввысь целую вечность. Кот — обладатель и владелец силуэта, медленно поднимался с корточек, отлепляя спину от стены ларька и попирая головой скат его крыши.

— От это да! Чистый Слендермен! — подумал человек.

— Хм... Э-ээ... Привет. Я — Кот. Ты извини, Костик, наверное, не предупредил насчёт нас, — глухим, чуть заплетающимся голосом, выговорил он.

Кот был высок, худ и тоже поддат.

— Какое подозрительное лицо. Не наше. Вылитый чистокровный ариец! И характер нордический... Ну, на крайняк, латыш... — промелькнуло в голове человека.

— Привет, я Костя. Коста.

— Э-эх, хорошо как посидели с коньячком, аж спать не ложились, сучёк корявый!!! — встрял Херувим разудалым голосом. Он был оловянно-весел и тоже поддат... — Ну, что, камрады, поехали?

— Кота возьму, Студента оставить придётся! У меня там сынуля спит на заднем сиденье, не хочу его в тесноте мариновать, — насупился человек.

— Ну, надо, так надо! Всё равно Студент не копает, он так — за компанию хотел! — согласился Херувим. — Одно жаль, он щас ко мне вернётся и всю закуску сожрёт! Очень у него аппетит хороший!

— Ну да ладно, зато выплусь, — Студент невозмутимо улыбнулся и, попрощавшись, пропал в темноте двора.

А машина, похлопав багажником и дверями, бодро рванула в ночь...

Вот так — буднично и незамысловато, прошло присоединение к команде Херувима и Кота. Человек ещё не знал и не догадывался, сколько событий и приключений принесёт оно.

Лишь Одержимость, лёжа в багажнике на сумках со снарягой и, наблюдая за этой встречей, загадочно и многозначительно покачала мордой. Она-то знала, что и как...

И вот — уже настало утро, и солнце уже чуть поднялось над горизонтом, расшугав рассветный туман и высушив росу на траве. Ещё не жарко и свежо.

Позади — двухчасовой маршрут и дорожный треп, сынуля проснулся, его голова, с копной волос цвета меди, взметнулась над рюкзаком-подушкой, он удивлённо глянул на незнакомых дядек, на пейзажи в окнах, поздоровался и снова завалился спать. Ему десять лет и совершенно фиолетово на коп и исторические раритеты. Тимычу просто нравится мотаться с отцом. Просто нравится! В его рюкзаке лежат толстые и вкусные бутерброды, плюкает и булькает лимонад в большой пузатой бутылке. Рядом книжка, что пообещал матери почитать, но вряд ли исполнит эту просьбу, а ещё игровая приставка японской фирмы «Сони», с десятком игр на блестящем экранчике. Машина летит куда-то вдаль и день только начинается. Ляпота!

Между тем, долгая асфальтовая дорога сначала истончилась и покрылась щебёночными прорехами, затем и вовсе пропала, оставив за собой какую-то деревеньку, а вместо себя — сильно заросшую и корявую грунтовку.

Машина, изредка погромыхая пузом о неровности и, поскрежывая боками о ветки и одеревенелую траву, медленно поползла по ней, недовольно и натуженно ворча двигателем.

— Нненнавизжжжуууу гrrrrруухнтвки! — слышалось в утренней тишине.

Первым пунктом выезда была разведка перспективного места. Человек, в силу своей неопытности, не всё понял в речи коллеги Херувима, щедро присыпанной непонятными терминами, историческими и картографическими ссылками, джипизсами, привязками и спутниками. Да, если честно, вообще ничего не понял.

Но навигатор с проложенным маршрутом в руках бывшего копаря, а также речь, наполненная оптимистически твёрдой уверенностью в стопроцентном успехе данного мероприятия, твёрдо мотивировали на удачу. Человек, с лёгкой досадой, посетовал на себя, что не

взял никакой более-менее вместительной тары под раритетные находки. В прохладном от климат-контроля воздухе салона автомобиля отчётливо завитал запах предстоящего хабара и прочих несметных сокровищ! А в крови заиграл и запузрылся, шипя и будоража, адреналиново-эндорфинный коктейль азарта и ожидания чуда.

Коктейль «Копарьский» — требуйте на всех урочищах страны! Устойчивое привыкание и зависимость после первого же употребления!

— Ну, наконец-то! Вот он — настоящий коп! — счастливо подумал человек...

— Таак! Вот здесь тормозни! Приехали мы! — прервал его Херувим.

Автомобиль, ещё раз, напоследок, скрежетнув и гроыхнув о неровности и флору ландшафта, остановился.

Небольшое, заросшее всякой зеленью озерко, с лягушками и ужами, окаймлённое дикой кустарной порослью и деревьями. Вокруг — коротко остриженное поле с копнами сена. На краю поля — круглые, оплывшие ямы, обильно поросшие высокой крапивой. Такие сочные, ярко-зелёные круги посреди пожухшей от зноя травы.

— Видишь эти круги? Это ямы от бывших домов! На них всегда крапива растёт! Она любит органику, что от жилья человеческого остаётся, — кратко проинструктировал человека Херувим. — К ним и пойдём! Там искать будем...

Лето. Жара...

Белое, выгоревшее от солнца, небо. С крапивы летит, то ли пыль, то ли пыльца. Летит и прилипает к твоей, изрядно запотелой тушке и морде лица. Сюда же, к тебе, в поисках халявной влаги и кровушки, летит всякая летающе-жужжащая хрень с хоботами, фасеточными глазками и слюнявыми крылышками. Жара...

Хочется пить и в тень. В голове уже постукивают, до темени в глазах, молоточки-предвестники солнечного удара, а ноги начинают привариваться и прилипать к опалённому жарой полю. Их всё труднее и труднее поднимать и волочить... Жара...

Сигналы встретили нас сразу же при подходе к зелёным ямам-кругам.

Их было много... Не, не так!

Вот так — Их было МНОГО! Дофигищища!

Прибор ликующе вскрикнул и запел! Запел много и непрерывно. Постоянно и на разные голоса и тональности. В катушку МД-шника, словно в микрофон, громко и на все лады, пел сводный подземный хор культурно-мусорного слоя.

Басило железо, тонким тенором отвечали поломанные алюминиевые ложки, хриплым и ломким дискантом пищала кровельная жесть, пела проволока, орали ржавые консервные банки и крышки от кастрюль, звонко и радостно вскрикивали смятые баллончики «Дихлофоса», загульно выли баритоном водочные пробки.

— Хор имени Пятницкого, млять! — устало прошипел человек, запинав обратно в землю очередную крышку от банки, в которые предки так любили закручивать хрустящие и ядреные солёные огурцы или краснобокие, наполненные сладко-солёным нектаром, маринованные помидоры. И пошёл к машине, где уже стояли, устало опершись на клюшки-приборы, коллеги по неудавшейся разведке и ехидно улыбался сын, увлечённо давивший кнопки на своей приставке PSP-шке.

Постояли. Помолчали. Выразили общее недовольство местом поиска и нежелание продолжать оный.

— Нет тут ниче! Один мусор! Поехали отсюда! — резюмировал Херувим, плюхнулся в машину, с громким пшиком откупорил бутылку «Жигулёвского» и с видимым наслаждением забулькал напитком.

— Поехали в Липовку. Там по-любому монет накопает, — авторитетно произнёс Кот и повторил вслед за коллегой трюк с бутылкой.

— Шшшшшшшш... — зашипел из-под открываемой пробки лимонад сына.

Человек с завистью посмотрел на экипаж, самозабвенно утоляющий жажду.

— Ну, поехали. Может, там, наконец, повезёт! — согласился он, заводя машину и прохладные воздушные струи климат-контроля в салоне...

Липовка. Это маленькая деревушка, зажата между дряхлой, вся в шрамах и заплатах, асфальтовой дорогой, соединяющей два районных центра нашей славной области, и одноимённой речкой Липовка, что несёт свои воды по сложному извилистому маршруту высоких и тенистых берегов, обильно заросших зеленью.

Обычная деревня. Пара улиц. Огороды. Маленький магазинчик в центре. Порухенные фермы на окраине. Кладбище. Зброшенный яблочный сад. Пруд. Родник. Злющие гуси, безнадзорно бродящие по пыльным улицам, громко хлопая крыльями, галдящей и гогочущей стаей, в поисках жратвы или жертвы. Им, в принципе, всё равно...

В общем — обычная деревня, коих полным-полно в российской глубинке.

Обычная, если б не один, а точнее — два нюанса.

Во-первых, давным-давно, в незапамятные времена, здесь за околицей, на холме за речкой, гудела и толпилась, мычала и галдела, била копытом и торговалась широкая ярмарка.

Во-вторых, в глубине заброшенного и одичавшего яблоневого сада притаилась полянка, на которой раньше шумел постоялый двор.

Было, наверное, круто и весело. Богато и с размахом.

Впрочем, это было давно. И почти не правда. Время никого и ничего не щадит...

— Зачётное место! Монеты всегда водятся! Гоша здесь пять рублей золотых нашёл! Сто пятьдесят тысяч стоят, прикинь! — рассказывал Херувим, восторженно разводя руками, показывая то ли величину пятирублёвки, то ли сто пятьдесят тысяч.

— Сто пятьдесят?!? Класс! Постой... Гоша... Это продавец металлоискателей? — догадался человек.

— Да! У них серьёзная команда! Все по-взрослому! Кукурузеры, карты старые, приборы навороченные... Только мы с Котом, один хрен, круче! Особенно — Кот! Че хошь, сучек корявый, своей теркой нароет! Веришь, нет? — улыбался Костя.

Мобиль, меж тем, почти не прислушиваясь к трёпу, крался по узкой и не ровной улочке, к окраине деревни. Полз, боязливо поджимая своё железное брюшко, спасаясь от жёстких кочек.

— Во попал! — думал он, протискиваясь по утлой земляной дамбе через узенький ручеёк речушки, хилой и полувывсохшей от жары.

— Мдяя... ржу бы какую не подцепить! — бормотал, безгловко косясь на окраинную помойку.

— Звиняйте, граждане! — проезжая по двору самого крайнего околичного дома, мимо настороженных окон с наличниками и каких-то сараев.

— Ох, фигассе! — натужно кряхтел, заползая по грунтовке на высокий и здоровущий холм.

— Жжжарко-то как! — жужжа и обмахиваясь вентиляторами охлаждения, замер, наконец, посреди палящего летнего зноя, что струился перегретым воздухом вверх к белому небу от пожухлой и обглоданной до корней травы вершины.

Липовская ярмарка.

Вершина была обширной и плоской, разделённой пополам ярко-жёлтой газовой трубой. Труба длинной гусеницей пересекала весь холм, ныряла с него вниз, тут же вспрыгивала на соседний холм и неслась по нему куда-то вдаль. Рядом с ней, верной подругой и по тому же маршруту, разлеглась пыльная грунтовка.

До трубы трава на холме была то ли коротко скошена, то ли сильно съедена, за трубой — заброшенное поле, сильно поросшее частой щетиной каких-то прутьев.

— Ты туда не ходи, там нет ничего! — ткнул за трубу пальцем Херувим.

— Ты сюда ходи! Здесь находок было немеряно! — он ткнул лопатой в травяной ёжик.

И они снова разбрелись по сторонам, пища и пиликакая МДшниками...

Человек шёл, старательно водя катушкой прибора над землёй, обходя и скептически посматривая на небрежно прикопанные ямки — следы, оставшиеся от недавних и давних приездод коллег-копарей.

— Да уж... Сколько же здесь народу оттопталось? Че тут делать-то после них?!? Чего тут найдёшь?!? — уныло думал он.

— Хозяин, ты не поверишь! Я дико извиняюсь, но ПИИИП! — нагло и бодро заорал прибор.

— — в этот раз мысли о кладах и фарте в голову залететь как-то не удосужились. Там вообще было пусто и гулко. Он устал, хотелось пить и домой.

Человек, молча и на автомате, выкопал ямку, откинул рядышком копок земли. Проверил его — прибор промолчал.

— ПИИИП! — ехидно пропел сигнал в ямке.

Человек снова копнул в ямке, откинул землю. Проверил сухой комковатый бугорок — прибор изобразил партизана на допросе.

— ПИИИП! — хохотнула подросшая и округлившаяся яма.

Ещё одна порция земли из ямы поднялась на лопате на поверхность. И снова тишина.

— ПИИИП! — ну, вы поняли...

— Да блин! Жеваный крот! Самка собаки! Млять! — человек устало плюхнулся на землю около здоровенной ямы, вырытой на два лопатных штыка в глубину.

— Где ты, сволочь?!? — ругался он, руками выгребая со дна рыхлую землю...

— Потерял чего? Может, помочь? — послышалось откуда-то сверху. Это на вопли подошёл Кот. Опершись на клюку прибора, заглянул с высоты своего немалого роста в тёмный зев ямы.

— Колодец копаешь или окоп? — поинтересовался с улыбкой.

— Да вот, Дим, фигня какая-то! Ничего не понимаю! Сигнал монетный есть, а монеты — нету! Парадокс, млять! — растерянно развёл руками человек.

— Бывает... А ты, случаем, не вот это ищешь? — Кот ткнул носком туфли в чёрный блинчик, лежащий на краю ямы, присыпанный земляным крошечком.

— Как он в лоферах умудряется на коп ездить?!? Копать неудобно же! — успел подумать человек, выживая из земли находку.

— Кот! Ну как так-то?!? Я тут ищу, ковыряюсь! А ты подошёл и всё сразу нашёл! — ошарашенно бормотал он, лихорадочно оттирая поднятый кругляш от грязи.

— Да всё просто. Дело привычки. Сам скоро, если копарем станешь, за всё круглое на земле глазами цепляться будешь. Это профессиональное. А монета у тебя всё время с лопаты обратно в яму срывалась, поэтому и найти не мог. Глаз был бы натренирован — сразу её бы срисовал! — пояснял Кот, но человек уже не слышал.

Время дрогнуло и остановилось. Звуки пожухли и увяли. Картина мира вдруг резко уменьшилась — в её рамки теперь умещались только его ладони и ОНА на них.

В его руках действительно лежала монета. Он легонько тёр её пальцами, а там — из-под слоя грязи на медном диске проявлялись две неведомые хвостатые зверушки на каком-то помосте, держащие в лапах вывеску с короной наверху. На вывеске, столбиком, было выбито: «ДВЕ КОПЕЙКИ 1773». А всю эту красоту окаймляла полустёртая надпись — «МОНЕТА СИБИРСКАЯ». Он крутанул её в пальцах — на другой стороне красовалась буква «Е» в венке и короне, прищёпнутая сверху римской двойкой. Округлость монеты слегка нарушал чуть срезанный краешек, но это скорее даже украшало её. Человек с благоговением рассматривал находку, жадно впитывая все её завитки и вензеля, наслаждаясь прикосновением к настоящей Истории. Не той виртуальной книжной, что учил когда-то в школе, не той неприступной музейной, отгороженной от мира стеклом витрин. Сейчас он держал в руке монету, пусть потёртую и грязную, пусть немного коряво сделанную — пусть! Но эта монета была старше его ровно на двести лет и вынырнула она из двухвекового земляного забвения прямехонько в его руки! Она сама была овеществлённой Историей!

Это была ПЕРВАЯ монета. ЕГО ПЕРВАЯ монета...

Первая монета.

— О, сибирка! Поздравляю, довольно редкая в наших краях гостья. Молодец, повезло! — повертел в руках находку Кот.

— АААА!!! Наконец-то! Наконец-то я нашёл монету! Первую! Уррааа!!! — догнала человека, чуть припозднившаяся радость. Усталость и жажду как рукой сняло, и человек, торопливо запинав вырытую яму, с новыми силами забегал по урочищу...

День был жаркий, солнце нестерпимо пекло, выпаривая все соки из лета.

Первым не выдержал сын, став нетерпеливо намекать отцу на скучность и серость бытия, путём тактичного и многократного гудения клаксоном автомобиля. Сидеть в теньке от машины наскучило, игры на приставке надоели, а бутерброды канули в желудочную Лету. Лимонад и терпение кончались и звали в дорогу. Потом и старые копари потянулись к тени и пиву.

Но новичок метался по траве ломаными маршрутами как заведённый. Особенно после находки ещё одной монетки — Александровской двушки 1812 года. Ровесница Отечественной войны с Наполеоном, бодро и звонко пискнула в прибор и нашлась быстро — в первом же копке.

Словом, наш, ошалевший от счастья неофит, буквально парил над землёй, аки орёл на охоте. Металась над травой его катушка, лопата споро вгрызалась в грунт, а в кармане позвякивали найденные медяки. Время летело, а он резал и резал огромные круги вокруг машины, не в силах самостоятельно прервать эту карусель. И находок, вроде, больше не было, и усталость с жаждой цеплялись за ноги и тянули к земле.

— Ну, всё, хватит! Устал. Пора к машине идти! Всё равно ничего нету больше! — бормотал человек, направляясь к машине.

— Подожди! Давай ещё вон до той кочки дойдём! Вдруг там чего найдём? Вдруг повезёт? А потом сразу к машине, ага? — жарко мурчала ему на ухо Одержимость, сидевшая на

загровке, цепко и нежно обхватив его за шею. Она, вдруг вся белая и пушистая, как-то резко похорошела и стала ласковой, словно кошка. Да и размерчик приобрела тот же.

— Ну, пойдём. Но потом сразу же к машине, ладно? — заворожённо соглашался с ней человек, маршрут его ломался и, в который раз, бежал прочь от машины.

И снова катушка парила над землёй, и пищал прибор. Наваждение работало надёжно и уверенно...

Лишь пересохшее до желудка горло, да стучащие в голове молотки приближающегося солнечного удара, выбивающие чёрные круги в глазах — только они смогли прервать эту выматывающую круговерть.

Он рухнул в тень от машины, долго и жадно пил воду из баклажки. Остаток воды вылил в кепку, как в кастрюлю, и нахлобучил её на голову.

— Пшшшш... — прохладные струйки воды охладили голову, опалённую зноем, смыли чёрные круги в глазах и шмыгнули за шиворот.

— Шшшшхххха!!! — недовольно по-кошачьи зашипела облитая и намокшая Одержимость. Свернулась в клубок, ухватив зубами пушистый хвост, быстро-быстро завертелась волчком, стряхивая с себя брызги воды. Повертевшись, внезапно помельчала в размерах и стала похожа на мелкую перламутровую жемчужину. Жемчужно-белый шарик завис в раздумье, крутясь и чуть подрагивая в воздухе. Повисел, да и юркнул человеку в ухо и дальше вглубь головы — в думательные области! Да так быстро и ловко, что тот и не заметил ничего...

— Ляпотааа! Хорошо-то как! — выдохнул человек и устало улыбнулся. Он сидел на траве и опять, в который раз, любовался своими находками. Монеты тускло темнели в его ладонях.

— Ну, ничего, домой приедем — я вас отмою обязательно! Кот, Херувим, как монеты чистить-то?

— Мыло на тёрке потрёшь, кипятком его зальёшь и в этом киселе их и держи, пока грязь и ржа не сойдёт! А чтоб быстрее было — щёткой зубной их натирай! И всё получится! — отсыпал премудростей Костя.

Кот молчал и лишь лениво курил, щурясь от табачного дыма. В очередной раз затянувшись, он с усмешкой сказал человеку:

— Походу, из тебя получится копарь. Поверь, я много новичков повидал. В поле сразу видно — маньяк ты или нет. Так вот, ты — маньяк! Нормальный по такой жаре долго бы не ходил. Так что — добро пожаловать в наш клуб!

— Посмотрим. Поглядим... — пожал плечами новичок. Встал на ноги, подобрав клюшку прибора и лопату. Закинул коротыш-фискарь на плечо, оперся на подлокотник МД-шника и огляделся вокруг...

Ярмарочный холм, жухлая трава, залитая белым солнечным зноем. Жёлтая труба на пару с пыльной грунтовкой, зигзагами убегающая с холма куда-то вдаль. Внизу под холмом — огороды и домики деревни, смиренно дремлющие на жаре. Дальше за ними — серая лента трассы, с дрожащим маревом горячего воздуха над ней. А дальше — поля, поля, поля...

Простор и огромное летнее небо над ним. Широка страна моя родная...

Человек стоял на вершине холма и думал о чём-то, наверное, хорошем. Ведь только под хорошими мыслями можно так искренне и глупо улыбаться. Он стоял, подняв голову вверх, глядел в небо и улыбался ему.

ОН ПРЕВРАЩАЛСЯ.

Нет, нет!!! Никаких крыльев, хвостов, копыт и прочих новых атрибутов, слава Богу, не появилось. Его форма осталась прежней и самой непримечательной! Но вот в голове...

Там — как в тигеле, горячее солнце урочища плавило и переформатировало его сознание, выжигая в пепел всё ненужное и лишнее, а лёгкий полевой ветерок тут же выдувал пепел и дым прочь. Одержимость, лежащая в этом расплаве, вдруг вспыхнула ярко, превратилась в искрящую каплю и растворилась в нём легирующей добавкой. Новый сплав разума, желаний

и одержимости кипел и варился, потом остывал и кристаллизировался в новое сознание. В симбиоз человека и чудовища.

ЧЕЛОВЕК ОБРАЩАЛСЯ В КОПАРЯ. И копаря звали — Коста...

— Ну, привет! Теперь ты мой навеки! Навсегда! Только смерть и лоботомия смогут разлучить нас! — торжествуя и радостно, громко продумала Одержимость в голове у копаря.

— Я дам тебе всё, что ты хочешь! Я дам тебе Идею! Увлечение! Я раскрашу твою серую жизнь цветными красками! Я прогоню хандру и скуку! Ты увидишь новые горизонты! — ласково шептала она, обволакивая его сознание баюкающим и нежным дурманом.

— Ты получишь красивую жизнь, полную приключений, путешествий и событий! Ты повидашь много новых прекрасных мест и найдёшь там много прекрасных вещей! Ты познаешь азарт поиска, радость удачи, жажду знаний и сумасшествие успеха. Ты будешь смотреть Истории в глаза и чувствовать её дыхание! Я подниму тебя над серой массой людишек, что зарылись в рутине и тёплом мещанстве, придавленные суетой, диваном, телевизором и стаграммами под котлету! Ты станешь выше и счастливее их — ведь у тебя буду я и Увлечение! Ты станешь избранным!

— Я дам тебе новых друзей — таких же счастливых и свободных! Я дам тебе новый ритм и цель жизни! У тебя будет всё что нужно! Верь мне! Ты будешь счастлив! — проникновенно и страстно пела она. И песня её играла в копарьской голове мощно и волнующе, достигая каждого уголка и закоулка, прекрасная и чарующая...

— Верю! Я согласный! Давай всего и побольше! — заворожённо внимал ей копарь, раскрыв рот, развесив уши и светя лицом радостью и надеждой.

Стоял, хлопал ушами в экстазе и не слышал, как про себя, под нос и еле слышно, Одержимость хрипела совсем другое:

— Ха! Наконец-то! Теперь этот недоумок будет мотаться по урочищам, оргазмируя на каждую найденную монетку и фонтанируя сладким счастьем и удовольствием! Будет охотиться на ржавые артефакты, копаясь в старых картах и наматывая километры на колёса и ноги, излучая сытную надежду на успех. Как всегда, ничего не найдя, будет сочиться терпким унынием. Да много будет всяких эмоций! А я буду жрать их, сидя в его башке и подгоняя своими песнями. Наконец-то я нажрётся! И буду жрать теперь постоянно! Кончится сезон — так он всё равно будет кормить меня своими страданиями и стенаниями от нехватки копа, от зимней ломки!

— А чтоб ничего не мешало процессу — я отниму у него старых друзей, отобью интерес к другим увлечениям и работе. Заберу время, что тратит на семью и дом. Ничто не будет отвлекать его от меня!

— Копарь! Теперь ты раб и слуга мне! И будет так вечно! Пока, когда-нибудь на копе, не встанет твоё сердце, не вывалится лопата с детектором из твоих похолодевших скрюченных рук и не отразится небо в твоих остекленевших и застывших глазах. И будешь валяться ты посреди далёкого, заброшенного и безлюдного урочища забытой и ненужной кучей смердящего хлама, пока не растащат тебя на куски вороны да бродячие собаки. А я полечу искать следующего лопуха, ибо я-то не умру, я-то бессмертна...

— ПШШШШ! Надоело мне здесь, поехали на сервис лучше! — вдруг сказал автомобиль сдвигаясь передним колесом.

— Ты извини, но здешние дороги не для моих пиреллиевских тапок! — хитро скрипнул он.

И тут наваждение исчезло. Как не было!

А через полтора часа они были в стольном граде Сергиевске, ели мороженое в теньке и наблюдали, как автомастер в грязном промасленном комбезе клеит и крутит на место их колесо...

— А поехали купаться! — вдруг предложил Херувим.

— Сейчас ещё на одно место заедем! Тут недалеко, всего пять квадратиков по Джипи-эсу! Чудесное озеро! Вода — закачаешься! Прохладная и чистая! А прозрачная — аж через восемнадцать метров глубины дно видно! Один только недостаток — сероводородом воняет! Зато ряски нету и лечебное! — рассказывал он.

— А через дорогу обычное! Тёплое, с лягушками и ряской! В общем, выбор и ассортимент огромен! — хохотал он по дороге.

Всё было так, как он и рассказывал. Даже ещё грандиознее.

Озеро и впрямь жутко воняло тухлыми яйцами, но завораживало сине-зелёной глубиной прозрачайшей воды. Коста стоял на деревянных мостках, протянутых в озеро, с восторгом и оторопью глядя в бездну озера. Берег обрывался в глубину резко и сразу. Чистая и холодная вода позволяла видеть весь его обрыв до самого восемнадцатиметрового дна, без особых искажений, лишь только затемняя своей толщиной и окрашивая в цвет морской волны. Ничто не нарушало покой, стабильность и строгую красоту этого мира. Ни быстрая тень от рыб, ни кваканье земноводных, ни илистая муть, взбудораженной родниками, придонной воды, ни колыхание зелёных длинных прядей водорослей. Ничего не росло и не жило в этой мёртвой, напитанной сероводородом, ледяной воде.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.